

В.Н. Карпухина

**Эффективность современных теорий и моделей перевода:
когнитивно-аксиологический аспект**

V.N. Karpukhina

**The Efficiency of Contemporary Translation Patterns
and Theories: The Cognitive-Axiological Linguistics Aspect**

Рассматриваются теоретические концепции перевода отечественных и зарубежных лингвистов, которые могут быть эффективно применены для оценки степени адекватности перевода художественного текста с точки зрения когнитивно-аксиологического подхода.

Ключевые слова: модель перевода, художественный текст, когнитивная лингвистика.

Объектом исследования в данной статье является текст перевода, оцениваемый с точки зрения его адекватности (максимальной эквивалентности) тексту оригинала. Предмет рассмотрения – теоретические модели перевода, применяющиеся для оценки степени адекватности текста перевода в когнитивно-аксиологической парадигме современной лингвистики. Основная цель статьи – выявить эффективность разных теорий и моделей перевода, разработанных отечественными и зарубежными лингвистами, для определения степени адекватности текста перевода тексту оригинала. Материалом послужили тексты художественной литературы, переведенные с английского языка на русский. Основными методами анализа материала выступали метод компонентного анализа, метод сравнительно-сопоставительного анализа, применялись также элементы когнитивно-дискурсивного анализа текста.

Одна из наиболее часто цитируемых в современных учебных пособиях и монографиях по переводу классификаций теорий (моделей) перевода принадлежит В.Н. Комиссарову [1, с. 30–74]. Со ссылками (или без них) его классификация приводится в работах [2–5]. Недостаточно четкое разграничение терминов «теория перевода» и «модель перевода» в работе Комиссарова приводит зачастую к их синонимичному употреблению. В учебном пособии Л.Л. Нелюбина и Г.Т. Хохони, например, дается список набор теорий и моделей перевода XX в., к которому присоединен еще и «механизм социальной регуляции переводческой деятельности» [3, с. 335–348]; в другой работе одного из упомянутых авторов к этому же весьма

The article considers some contemporary Russian and foreign translation theories which can be efficient to evaluate the adequacy degree of fiction translation in the cognitive-axiological linguistics aspect of studying.

Key words: translation pattern, fiction text, cognitive linguistics.

разнородному списку добавлена еще и культурологическая концепция перевода [6, с. 59–60]. Явная неоднородность концепций, теорий, механизмов и прочего как единиц парадигматического рассмотрения теоретических знаний о переводе даже не отмечается в перечисленных выше исследованиях.

Нам представляется вполне обоснованным взгляд на соотношение терминов «парадигма» и «теория», высказанный В.З. Демьянковым: «История теорий языка показывает, что лингвистика – одна из тех дисциплин, в которых появление новой теории, новых идей не вызывает крушения и радикального пересмотра старых данных. Эту историю можно поэтому рассматривать как развитие парадигм, а не просто идей и методов. ...В отличие от научной теории, парадигма представляет собой образец, которому следуют в своих научных построениях ученые» [7, с. 27, 31–32]. Таким образом, парадигма научных знаний – это реализация основных идей некоего научного конструкта, или теории определенного ученого/ученых (вначале представляющего как гипотеза). А.Е. Кибрик, однако, предполагает, что смена каждой парадигмы (связываемой им с определенной личностью в истории гуманитарного знания) прежде всего сопровождается сменой исходных научных презумпций [8, с. 50]. Возражения В.З. Демьянкова сводятся к следующему: «Чаще говорят не о парадигме некоторого лидера (скажем, о “хомскианской парадигме”, о “гумбольдтовской парадигме” и т.п.): в таком контексте принято употреблять термины *учение* и *теория*. Термин *парадигма* употребляется в сочетании с указанием на некоторую абстрактную

идею или понятие, привязанное к “вершинному достижению” в решении задачи по некоторой схеме. Так, говоря о дескриптивистской, генеративистской, антропоцентрической парадигмах, имеют в виду набор техник описания и объяснения фактов» [7, с. 29]. Но существует и параллельная точка зрения на употребление термина: «В то же время “парадигмой теории языка” может быть названа целая система взглядов в совокупности с набором показательных примеров (то, что иначе называют образцом, примером для подражания, или “моделью”) того, как следует описывать и объяснять языковые явления» [7, с. 28]. Е.С. Кубрякова схожим образом определяет основные смысловые «звенья» научной парадигмы: установочно-предпосылочное, предметно-познавательное и процедурное, или «техническое» [9, с. 167].

Соотношение, подобное соотношению терминов «теория» и «парадигма» («конструкт – его воплощение в реальной научной практике»), наблюдается и при выстраивании отношений терминов «теория» и «модель» в исследовании А.Л. Семенова. «Лингвистическое моделирование перевода – создание теоретических моделей, которые раскрывают сущность перевода на основе критериев соответствия текстов перевода оригиналу, обусловленного объективным решением проблемы эквивалентности единиц исходного языка единицам языка перевода» [10, с. 30]. При конструировании А.Л. Семеновым некоей модели закономерных соответствий, которая «служит обоснованием теории эквивалентных соответствий единиц языка оригинала единицам языка перевода», автор, только обозначив, что «довольно близко к ней подходит модель уровней эквивалентности» В.Н. Комиссарова, ни сходств, ни различий между этими моделями так и не выявляет. С нашей точки зрения, происходит лишь замена одного термина – обозначения модели – другим через определенный промежуток времени, прошедшего после описания одной из наиболее эффективных моделей перевода, когда-либо созданных.

Модели перевода, предлагаемые В.Д. Комиссаровым для описания переводческой деятельности, достаточно четко отражают движение теоретической мысли переводоведов в рамках эпистемологической триады «традиция – модерн – постмодерн» в течение XX и в начале XXI столетия [11; 12]. Первая описываемая модель, денотативная, абсолютно адекватно отражает традиционный взгляд на перевод как на результат перевыражения средствами другого языка тех значений, которые соотносятся в обоих языках с одними и теми же денотатами (см.: [1, с. 32–36]). Не останавливаясь подробно на критике данной модели (она достаточно хорошо представлена как у Комиссарова, так и в работах его последователей), укажем только на эффективность использования данной модели в ситуации работы с текстами, лексический состав которых ориентирован именно на

денотативную семантику – описание оттенков цвета, перечисление предметов, описание отношений родства и т.п. (см.: [13, с. 231–283]). Представляется интересным, что именно денотативная модель перевода является основой большого количества исследований в области современной психолингвистики перевода и создает базу для части когнитивных исследований в переводческой области, не теряя своей актуальности. С точки зрения когнитивной лингвистики денотативная модель перевода представляется достаточно адекватной (не случайно российская версия когнитивистики «вышла» в основном из теории номинации, в отличие от западных версий, имевших своей базой трансформационную грамматику, порождающую семантику или психолингвистику). Сама презумпция того, что разные языки по-разному отражают одну и ту же денотативную «картину» (имеющая базой идеи В. фон Гумбольдта и гипотезу Сепира-Уорфа), весьма успешно развивается современными когнитологами [14, с. 23; 15, с. 10–11; 16, с. 22–23]. Однако гипотеза «языковой относительности» включает важный элемент, который, безусловно, должен быть учтен при описании переводческой деятельности. Точкой отсчета, субъектом оценки и субъектом, осуществляющим интерпретационную деятельность, является человек. Субъектный (антропный) фактор должен быть обязательно учтен при выстраивании денотативной (ситуативной) модели перевода. В качестве примера эффективного применения денотативной модели перевода для оценки адекватности передачи семантики текста оригинала на язык перевода может быть приведен пример перевода на русский язык стихотворения О. Уайльда «Symphony in Yellow», выполненного И.Д. Копостинской. Вполне адекватно передавая на русский язык основные цветообозначения предметов, упоминающихся в тексте оригинала (*a yellow butterfly* – желтый мотылек, *yellow hay* – желтый стог, *a yellow silken scarf* – шелка желтого потока, *the yellow leaves* – с желтых вязов листьев рой, *the pale green Thames* – мерцает Темза ... зеленоватой желтизной), переводчица, однако, изменяет обозначения денотатов некоторых объектов, ассоциативно связанных с идеей основного цвета в тексте. Так, название полудрагоценного желто-зеленого камня *jade* ‘жадеит’, видимо, представляется не слишком благозвучным в русском поэтическом тексте, и оно заменяется переводчицей на название похожего по цвету и структуре камня (*нефрит*). Более того, общая цветовая «картина», создаваемая в анализируемом тексте, оказывается воспринятой в английском языке с точки зрения лирического героя (... *And at my feet the pale green Thames lies like a rod of rippled jade*). В тексте перевода полное отсутствие обозначения лирического героя в финальных строках (... *Мерцает Темза, как нефрит, зеленоватой желтизной*) представляет воспринимаящуюся «картину» как нечто отвлеченное от

какой бы то ни было точки зрения, воспринимающий оказывается скрыт, его местоположение во времени и пространстве мира текста не обозначено. Точка восприятия (точка зрения) элиминируется из текста перевода вследствие переводческой стратегии элиминации словосочетания *at my feet*. Субъективное переводческое решение, обусловленное необходимостью сохранить метрическую и ритмическую структуры поэтического текста, меняет когнитивную перспективу текста перевода в сравнении с текстом оригинала, и это может быть выявлено лишь при рассмотрении денотативной семантики текстов оригинала и перевода с позиций когнитивно-дискурсивной парадигмы знаний.

Трансформационная и семантическая модели перевода [1, с. 37–61], дополняя друг друга, отражают модернистские тенденции в парадигме знаний о переводе. Обе эти модели были положены в основу разработок советских (а позже – российских) систем машинного перевода, хотя на сегодняшний день исследования в области лингвистической обработки и систематизации информации несколько отстают от современных требований информатики и кибернетики (ср. подобные размышления в: [8; 17]). Трансформационная модель перевода, основанная на теоретических построениях Н. Хомского, достаточно жестко критикуется самим В.Н. Комиссаровым именно с точки зрения когнитивных позиций: начальные и конечные (исходные и производные) структуры, участвующие в процессах трансформационных изменений, оказываются существующими отдельно друг от друга, и изменения ментальных структур, как предполагается, происходят лишь в рамках каждого отдельного языка, а отнюдь не в межъязыковом пространстве. Однако для когнитологов (при всей их критике концепции Н. Хомского (см.: [9])) достаточно важным оказывается категориальный аппарат сторонников трансформационной модели перевода. Собственно, к уровню глубинных структур относятся почти все ментальные модели, которыми оперирует современный концептуальный анализ – пропозиции, фреймы, скрипты, сценарии и т.п. (более подробно методику применения трансформационной и семантической моделей перевода в области фреймового структурирования текстов оригинала и перевода см.: [18]). То же самое происходит и с методическими находками, и с методологией так называемой семантической модели перевода, поскольку поиск универсальных семантических компонентов (элементов семантики глубинных структур) является одной из областей интереса когнитивистов и сегодня. Семантические компоненты/множители/примитивы являются операционными единицами многих исследований в области анализа концептов как составляющих культуры того или иного языка.

Модель (теория) уровней эквивалентности, созданная В.Н. Комиссаровым как синтез всех перечислен-

ных выше моделей [1, с. 61–74], представляется нам наиболее удачной в ситуации работы с лексической и грамматической семантикой текстов оригинала и перевода. Сама идея о необходимости выделения нескольких уровней эквивалентности в тексте перевода или его фрагментах в соответствии с текстом оригинала является для времени создания этой теоретической модели революционной, развивает отчасти идею динамической эквивалентности, высказанную в работах Ю. Найды. Переосмысление традиционных моделей перевода, создание синтезирующего их аналога, эффективно работающего в области текстов любых стилей и жанров, признание перевода динамическим процессом, а переводчика – творческим субъектом, преобразующим текст оригинала в соответствии с задачами конкретного переводческого акта, представляется нам как неизбежный шаг Комиссарова к постмодернистскому восприятию перевода. К подобной поэтапно создаваемой модели перевода (к сожалению, никак не названной в работах) приходят В.Н. Крупнов [19, с. 48–50] и Л.И. Сапогова [20, с. 161–205]. Модель уровней эквивалентности в качестве обобщающей как минимум трех предыдущих моделей наследует их достоинства и недостатки с когнитивной точки зрения. Дополнительным преимуществом данной модели можно считать выделение уровня эквивалентности «общих понятий», не равных по объему в разных языках, что представляется нам подступом к уровню концептуального анализа по теоретическим установкам. Рассмотрим с точки зрения модели уровней эквивалентности фрагмент рассказа Р. Брэдли «The Smile» и его перевода на русский язык, выполненного Л. Ждановым: *The world was asleep in the moonlight. And there on his hand was the Smile. – Мир спал, освещенный Луной. А на его ладони лежала Улыбка*. На самом низком уровне эквивалентности, уровне цели коммуникации, эквивалентность фрагмента может быть оценена как полная: текст перевода, как и текст оригинала, является художественным и ориентирован на самую широкую аудиторию, производя на нее определенное эмоционально-эстетическое воздействие. Второй уровень, выделяемый Комиссаровым, соотносится с ситуационной семантикой текстов оригинала и перевода. Основные элементы ситуации в мире анализируемого художественного текста (*the world – мир, in the moonlight – освещенный Луной, to be asleep – спать, he – он, his hand – его ладонь, the Smile – Улыбка*) переданы на русский язык абсолютно адекватно. Единственное различие относится к неполному эквиваленту *hand – ладонь*, но оно может быть оценено как различие объема понятий на следующем уровне эквивалентности – уровне сообщения (или уровня соотношения общих понятий). На данном уровне в анализируемом фрагменте текста происходят трансформации конкретизации (*hand – ладонь, in the moonlight – быть*

освещенным Луной), генерализации (*to be asleep – спать*), лексикализации английской грамматической конструкции определения местоположения *there is* с помощью глагола *лежать*. На уровне высказывания (соотнесенности грамматических конструкций) эквивалентность тоже не может быть признана полной: происходит грамматическая трансформация замены предложно-падежной конструкции на причастный оборот (*in the moonlight – освещенный Луной*), предикативной конструкции полнозначным предикатом (*to be asleep – спать*), конструкции с оборотом *there is* полнозначным предикатом (*лежать*), соединительной сочинительной связи между двумя предложениями фрагмента текста на противительную (*and – а*), хотя в последнем случае возможна двойственная трактовка значения средств синтаксической связи предложений. Наименьшая эквивалентность при переводе художественного текста может быть достигнута на высшем уровне (уровне знаков): из 16 знаков текста оригинала полностью переданы 4, частично – 4. Тем не менее можно признать фрагмент текста перевода достаточно адекватно передающим как цель коммуникации текста оригинала, так и его ситуативную семантику, основные лексические понятия и грамматические особенности. Однако, как справедливо отмечает сам создатель данной модели В.Н. Комиссаров, анализ текста оригинала и текста перевода в соответствии с моделью уровней эквивалентности затрагивает в основном уровень глубинной семантики, а не поверхностных синтаксических структур. Область вербализации и категоризации человеческого опыта, находящаяся в центре внимания современных когнитологов, остается здесь практически не рассмотренной.

Переход к постмодернистским моделям перевода предполагает наличие в теориях синтезирующего подхода к переводческой деятельности (перевод рассматривается и как процесс, и как результат) и «добавление» в традиционные модели перевода субъекта деятельности. Подобным образом строит интертекстуальную модель перевода на основе данных математической лингвистики и психолингвистики Н.М. Нестерова [21]. В рамках зарубежного переводоведения модель перевода, синтезирующая лингвистические и литературоведческие подходы, предлагается в [22], и данная модель почти полностью совпадает по своим этапам (уровням) с моделью, предложенной в работах В.Н. Комиссарова и В.Н. Крупнова.

К сожалению, одной из общепринятых характеристик постмодерна является склонность приверженцев данной научной парадигмы к вольному или невольному заимствованию теоретических построений из исследований предшественников. Список теорий, моделей и механизмов перевода XX в. [3, с. 335–348] может создать определенные терминологические сложности для исследователя за счет неоднородности классификации. Модель уровней эквивалентности,

предложенная Комиссаровым, названа в этом списке теорией. Через два года в учебном пособии по общим основам теории перевода создается некая теория эквивалентных соответствий, реализующаяся в модели закономерных соответствий [10, с. 30]. В учебнике по теории перевода [4] сведения из истории художественного перевода в России и Советском Союзе практически полностью заимствованы из известной монографии А.В. Федорова [23], а сведения о принципах и моделях перевода – из работ В.Н. Комиссарова [1; 24], как и в учебном пособии Н.К. Гарбовского [2]. Последнее отличается от вышеперечисленных трудов только обширной и содержательной главой о единицах перевода. Подобный «синтезирующий» подход к теоретическим концепциям предшественников представляется, скорее, «синтетическим», поскольку взгляды разных научных школ и порой диаметрально противоположные высказывания разных ученых собраны вместе как единая теория и мирно уживаются в одном и том же «новом» тексте, претендующем на новое осмысление традиционных вопросов и проблем теории и практики перевода.

Наиболее завершенной и прошедшей применение на практике оказывается концепция/теория аналитического перевода В.П. Руднева [25]. Находясь в пространстве между модернистскими и постмодернистскими теориями перевода (по своей сути она является полностью противопоставленной традиции, т.е. модернистской, а по времени возникновения и применения – постмодернистской), теория Руднева интересна сейчас уже не столько своим противостоянием переводческой традиции, сколько своей возможностью показать прагматическую роль переводчика, принадлежащего к определенной теоретической парадигме знаний, в его влиянии на процесс и результат переводческой деятельности. Само понятие «языковой партии автора/переводчика», заимствованное из современных теорий нарратива и дискурса, дает возможность определить «точку присутствия» переводчика в результате его деятельности, одновременно влияя на острашение адресата текста перевода и вовлекая его в определенного рода постмодернистскую игру с текстами на двух языках. Коммуникативно-прагматический статус переводчика в данной ситуации значительно повышается, поскольку игровой потенциал текста перевода (в том числе за счет философско-филологического комментария, как в случае рудневского перевода «Винни-Пуха» Алана Милна), создается именно переводчиком, а не автором текста оригинала. При рассмотрении концепции аналитического перевода мы сталкиваемся с достаточно парадоксальной ситуацией: полная прагматическая неэффективность текста перевода Руднева, не ориентированного на целевую детскую аудиторию, отнюдь не отменяет ценности самой теории [26; 12]. Сам факт замысла и создания ново-

го теоретического построения в рамках наиболее традиционной – лингвистической – теории перевода, попытка последовательно применить свою теорию на практике и критически оценить результат представляются нам достаточно значимыми как в теоретическом, так и в практическом плане.

Одним из первых исследователей, представивших новую модель перевода с семиотических позиций, был Ю.М. Лотман. Предлагая для обсуждения традиционную, простейшую двухчленную модель перевода [27, с. 156] как уже несостоятельную модель понимания текста, Лотман включает в новую модель два принципиально важных элемента: множество вариантов текста на выходе и субъектов, участвующих в процессе коммуникации [27, с. 159]. (Ср. наблюдение В.З. Демьянкова, достаточно спорное на первый взгляд: «Учитывая, что “единообразие” – черта модерна, а “множественность” и “многозначность” – черты постмодерна, можно сказать, что гуманитарные дисциплины исходно несли в себе постмодернизм» [7, с. 32]. Видоизменяя схему коммуникативного акта, предложенную в работе Р. Якобсона, в зависимости от типа коммуникативной ситуации, Ю.М. Лотман предлагает собственную модель акта коммуникации с опорой как на внутриязыковые, так и на межъязыковые коммуникативные процессы. Возвращение интереса к проблемам теории информации и семиотики в современной когнитивно-дискурсивной парадигме знания, обращение к разнообразным версиям семиотических моделей перевода (подобных тем моделям и концеп-

циям, которые предложены в работах [21; 25; 27]) позволяет говорить об использовании научного языка и некоторых методологических установок данных теоретических дисциплин в сфере когнитивистики. Так, в когнитивно-дискурсивной парадигме активно используются термины *кодирование информации, вербализация, дешифровка, точка отсчета*, значимая оппозиция *фон – фигура* и прочие, которые пришли из теории информации и семиотики. Принципиальная установка на субъекта как центральную фигуру, интерпретирующую окружающий мир, и на принципиальную множественность интерпретаций мира и текста в когнитивно-дискурсивной парадигме существует как продолжение традиций русской семиотической школы исследований.

Таким образом, рассмотрев несколько основных современных теорий и моделей, активно применяющихся в практике перевода и сравнительно-сопоставительном анализе текстов оригинала и перевода, можно с большой уверенностью предположить, что наиболее актуальными на сегодняшний день являются модели перевода синтезирующего типа. Модель уровней эквивалентности, теория аналитического перевода, семиотическая модель перевода, вписанные в рамки когнитивно-дискурсивной или когнитивно-аксиологической парадигмы лингвистических знаний, обладают достаточной объяснительной силой и дают необходимый инструментарий для многоуровневой оценки степени адекватности переводов художественных текстов.

Библиографический список

1. Комиссаров В.Н. Слово о переводе (Очерк лингвистического учения о переводе). – М., 1973.
2. Гарбовский Н.К. Теория перевода : учебное пособие. – М., 2004.
3. Нелюбин Л.Л., Хухуни Г.Т. Наука о переводе (история и теория с древнейших времен до наших дней) : учебное пособие. – М., 2006.
4. Сдобников В.В., Петрова О.В. Теория перевода : учебник для студ. линг. вузов и факульт. иностр. яз. – М., 2007.
5. Семенова А.Ю. Основы перевода текста : учебник. – Ростов н/Д., 2009.
6. Нелюбин Л.Л. Введение в технику перевода (когнитивный теоретико-прагматический аспект) : учебное пособие. – М., 2009.
7. Демьянков В.З. Парадигма в лингвистике и теории языка // Горизонты современной лингвистики: Традиции и новаторство : сборник статей в честь Е.С. Кубряковой. – М., 2009.
8. Кибрик А.Е. Константы и переменные языка = Constants and Variables of Language. – СПб., 2005.
9. Кубрякова Е.С. Эволюция лингвистических идей во второй половине XX века (опыт парадигматического анализа) // Язык и наука конца XX века. – М., 1995.
10. Семенов А.Л. Основы общей теории перевода и переводческой деятельности : учебное пособие для студ. линг. вузов и факульт. – М., 2008.
11. Паршин П.Б. Теоретические перевороты и методологический мятеж в лингвистике XX века // Вопросы языкознания. – 1996. – №2.
12. Карпухина В.Н. Способы интерпретации художественного текста при его переводе в разные семиосферы : учебно-методическое пособие по курсу «Текст как объект перевода» для студ. IV курса специализации «Зарубежная филология. Английский язык и литература». – Барнаул, 2010.
13. Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание. – М., 1997.
14. Кубрякова Е.С. Язык пространства и пространство языка // ИАН. – Серия: ЛиЯ. – 1997. – Т. 56, №3.
15. Кравченко А.В. Язык и восприятие: Когнитивные аспекты языковой категоризации. – Иркутск, 2004.
16. Колесов И.Ю. Проблемы концептуализации и языковой репрезентации зрительного восприятия (на материале английского и русского языков) : монография. – Барнаул, 2008.
17. Schank R.C., Childers P.G. The Cognitive Computer. On Language, Learning, and Artificial Intelligence. – Massachusetts ; California ; Amsterdam, 1984.

18. Карпухина В.Н. Аксиологические стратегии текстопорождения и интерпретации текста. – Барнаул, 2008.
19. Крупнов В.Н. Гуманитарный перевод : учебное пособие для студ. высш. учеб. заведений. – М., 2009.
20. Сапогова Л.И. Переводческое преобразование текста : учебное пособие. – М., 2009.
21. Нестерова Н.М. Текст и перевод в зеркале современных философских парадигм. – Пермь, 2005.
22. Snell-Hornby M. Translation Studies: An Integrated Approach. – Amsterdam ; Philadelphia, 1988.
23. Федоров А.В. Основы общей теории перевода. – М., 1968.
24. Комиссаров В.Н. Теория перевода. – М., 1990.
25. Руднев В.П. Винни Пух и философия обыденного языка. – М., 2000.
26. Карпухина В.Н. Аналитический перевод: к проблеме переводческого плюрализма повести А.А. Милна «Winnie-the Pooh» // Художественный текст: варианты интерпретации : труды X Всеросс. научно-практ. конференции. – Бийск, 2005.
27. Лотман Ю.М. Семиосфера. – СПб., 2000.